

— Мой отец отстоял Сталинград, а я отстраиваю.

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ.

К Р О К О Д И Л

№ 14 (1340) МОСКВА 20 МАЯ 1953

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXXI

ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

Еще кланяемся!..

СЕКРЕТАРЮ ФАЛЕШТСКОГО РК КП
МОЛДАВИИ ТОВ. ТЫНКОВАНУ Г. Д.
г. ФАЛЕШТЫ, МОЛДАВСКОЙ ССР

Уважаемый тов. Тынкован!

Вы, вероятно, слышали о так называемых молчалиниках? Были такие чудаковатые страдатели. Предварительно натворив уйму разных грехов, эти люди то ли от стыда, то ли от нежелания разговаривать на щекотливые темы вдруг давали торжественный обет молчания и — больше ни гу-гу! Они становились немые, как караси, глухи, как придорожные камни. От такого новоиспечённого праведника очень тоскливо делалось и его родным и близким, да и всем окружающим. Никто толком не мог понять: что же такое у молчалиника на душе, о чём он думает, как относится к тем или иным явлениям быстротекущей жизни?

Как ни странно, тов. Тынкован, но последователи этих молчаливых святош очень прочно обосновались у вас в районе — в торговых, советских организациях, да и в самом райкоме.

Правда, следует оговориться, что фалештские молчалиники существенно отличаются от людей, давших обет молчания из религиозных побуждений. Фалештские молчалиники не утруждают себя постом и молитвой. Да и молчат они не во всех случаях. Более того: временами фалештские молчалиники бывают даже чересчур разговорчивы — выступают с докладами, говорят по телефону, толкуют об обедах, о погоде, о качестве вина.

Молчалиниками они становятся при одном, и довольно странном, обстоятельстве. Немота находится на них тогда, когда редакция районной газеты «Ленинская искра» запрашивает их о принятых по той или иной заметке мерах. И недавние говоруны вмиг умолкают, потупя очи долу.

В таком блаженном молчании можно видеть председателя фалештского сельпо тов. Строгача. Редакция, печатая критические заметки трудящихся о работе сельпо, ждёт от тов. Строгача делового ответа, а он как воды в рот набрал. Редакция шлёт тов. Строгачу запросы: какие, мол, приняты меры по критическому выступлению газеты? От тов. Строгача ни ответа, ни привета. Ну чем не молчалиник?

В обычное время заведующий общим отделом исполкома райсовета тов. Шпаяк и секретарь исполкома тов. Синцовский —

люди очень обходительные, разговорчивые и даже не лишённые красноречия. Но стоит редакции направить в их адрес корреспонденцию или заметку с просьбой сообщить о принятых мерах, как они тут же становятся косноязычными, а потом и совсем умолкают.

Таких примеров можно насчитать десятки. Все они мало чем отличаются один от другого. Например, председатель исполкома горсовета тов. Лопак после опубликования заметки, прежде чем замолчать, долго ругается по адресу газеты, требует опровержения, всячески поносит работников редакции, а о принятых мерах ни слова!

Не может похвалиться своей любовью к газете и председатель исполкома райсовета тов. Мигалатий. Когда на одном из пленумов райкома его упрекнули, мягко выражаясь, в формально-бюрократическом отношении к сигналам печати, тов. Мигалатий зело обиделся и заявил:

— Не следует с такой трибуны так резко критиковать солидных людей!..

Я, тов. Тынкован, думаю, что нет особой нужды заниматься поисками духовного руководителя этой своеобразной секты отмачивающихся и отмахивающихся от печатного органа райкома и исполкома райсовета. Этот руководитель в районе хорошо известен. Им, как это ни печально, являетесь вы, тов. Тынкован!

В самом деле, сколько уже раз работники редакции просили вас поставить на бюро вопрос о критических выступлениях газеты! Но вы так и не решились нарушить обет молчания. И это в то время, когда всякому известно, что замалчивание критических выступлений печати является одной из форм зажима критики.

И лишь после того, как республиканская газета «Советская Молдавия» покритиковала вас за неправильное отношение к сигналам газеты, вы приоткрыли рот. Робко, чуть-чуть, но приоткрыли. Критику признали правильной. Таким путём, через республиканскую газету, читатели узнали, что наконец-то вы заговорили. А о выступлениях своей районной газеты, о действительности её выступлений опять ни звука. Может быть, тов. Тынкован, солидность не позволила? Что ж, солидность — вещь хорошая, но, нам кажется, и о солидности своей газеты забывать тоже не следует.

Вот и получается, тов. Тынкован, что от молчания солидных людей очень тоскливо делается читателям «Ленинской искры». Читатели недоумевают. Они никак не могут понять, что у районных молчалиников на душе, как они реагируют на критические выступления районной газеты.

Искренне желаю вам нарушить обет молчания. И как можно скорее.

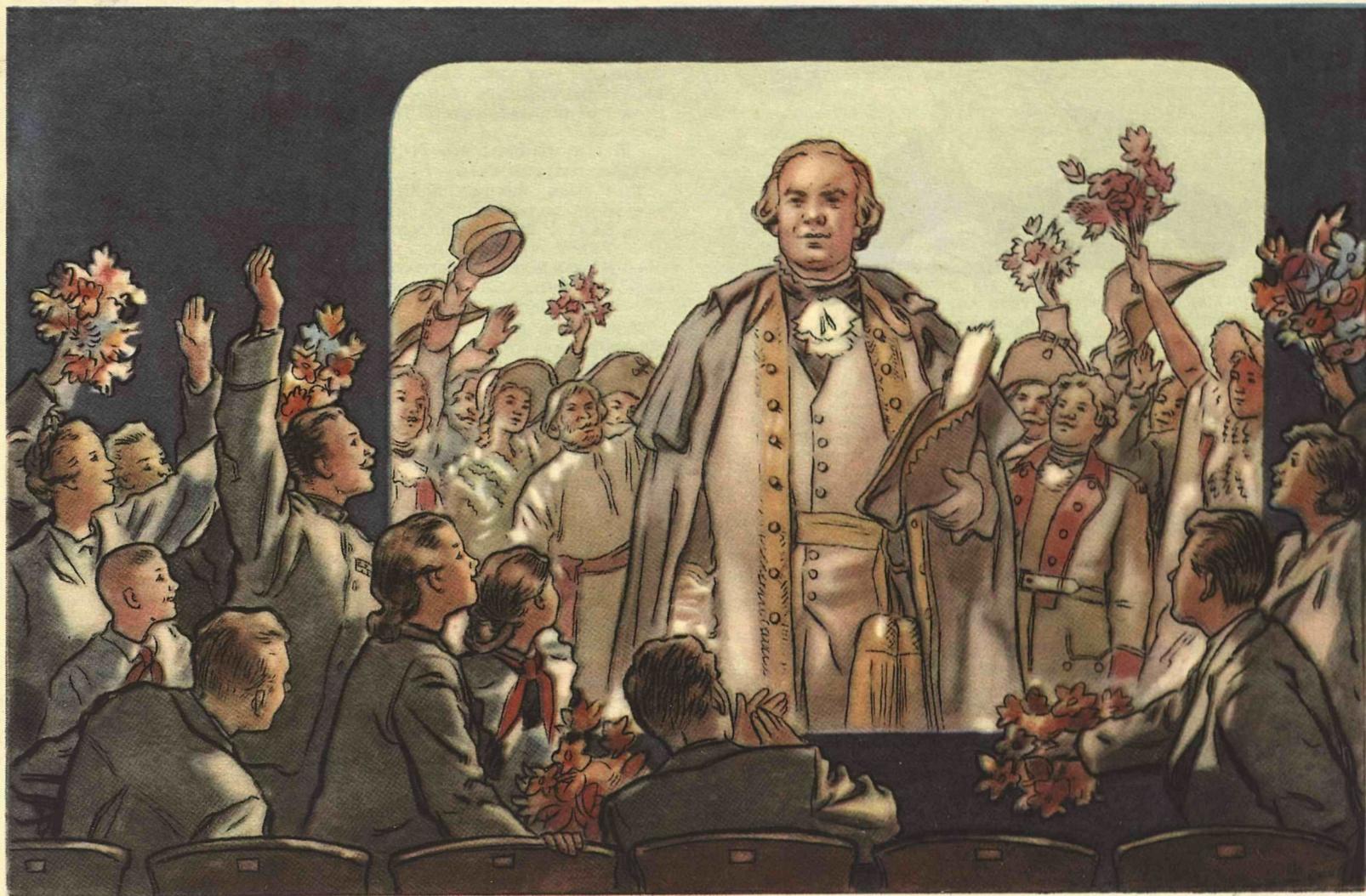
Засим низко кланяюсь.

Крокодил

Рис. В. КОНОВАЛОВА.

— Напрасно ты гадаешь: и так ясно, что мы получим нагоняй за плохую прополку!

Аплодисменты на экране, переходящие в овацию всего зрительного зала.

Виктор БЕРШАДСКИЙ

У НАС ВЕСНА

У нас весна.
Бурлят повсюду воды.
Зазеленела травка
Во дворах.
Высотный дом
В свои громоотводы
Поймал грозу на Ленинских горах.

У нас весна.
Всё небо в сизых дымках.
Снопом пробилась ясные лучи.
И теплоход
Уже причалил в Химках.
Гостей тепло встречают москвичи.

Технички протирают
Стёкла в школе,
Под Крымский мост
Ушёл последний лёд.
И мяч,
Подпрыгнув на футбольном поле,
С ноги спортсмена ринулся вперёд.

У нас весна ведёт себя, как дома,—
Хозяиничает с самого утра:
Заглядывает в сводку агронома,
Из МТС выводит трактора,
Проводит совещанья в Зелентресте
И в загсе ставит
Твёрдую печать
На паспортах двоих,
Которым вместе
Все вёсны полагается встречать.

Ирахия

Контакт с аудиторией — дело тонкое. Ах, как трудно бывает порой его установить! О невидимой и желанной связи со своими слушателями в одинаковой мере мечтают докладчики пионерского возраста и маститые академики.

Лектор политотдела Енисейского речного пароходства тов. Юркин, прибывший в Игарку, чтобы поведать местным жителям о происхождении религии, не установил контакта со своей аудиторией. Быть может, он полагал, что зал заполнят нивесть откуда взявшиеся золотоискатели-одиночки, но вместо экзотических персонажей, населявших старые приключенческие романы, лектор столкнулся лицом к лицу с капитанами торгового флота, инженерами и техниками.

Итак, контакт не был установлен. Больше того: неблагоприятные слушатели направили в редакцию протестующее письмо.

Мы изучили жалобу и вынуждены констатировать, что во всём виноваты жители Игарки. Они не поняли заезжего лектора. Не поняли языка, на котором он изъяснялся. И это немудрено.

Словарь лектора Юркина отличается от словаря общепринятого, ушаковского. Приводим некоторые разночтения:

Юркин	Ушаков
Антиизм	Атеизм
Антистический	Атеистический
Ирахия ¹	Иерархия
Непогреснейший	Непогрешимый
Одурмание	Одурманивание
Обременный	Обременённый
Отчислить (от церкви)	Отлучить (от церкви)
Памфлей	Памфлет
Торжествуемый	Торжественный
Эпископ	Епископ.

Мы охотно дарим политотделу Енисейского речного пароходства этот небольшой, но скорбный труд слушателей лекции Юркина. Пусть составленный ими словарь в дальнейшем поможет лектору устанавливать контакт с аудиторией, если только политотдельцы будут склонны попрежнему посылать тов. Юркина проповедать северян!

С. ШАТРОВ

¹ На вопрос, что такое «ирахия», лектор дал неожиданный и вместе с тем оригинальный ответ, который мы приводим дословно: «Ирахия, ну, как это бы сказать, в общем, ну, суть борьбы! Ну, не знаю, как бы вам лучше преподнести, чтобы вы поняли, товарищи, что такое ирахия, а в общем я завтра отвечу».

Ф у ф а е в

Ещё в гардеробной Иван Семёнович Фуфаев, сотрудник одного не очень крупного, но и не мелкого учреждения, раздеваясь, заметил что-то неладное.

Гардеробщица тётя Катя, принимая от него шубу и калоши, как-то странно на него поглядела. Взгляд её был насмешливым и в то же время по-женски жалеющим.

Иван Семёнович, возможно, и не обратил бы внимания на выражение лица простой гардеробщицы, если бы, причёсывая перед зеркалом остатки шевелюры, ровно обрамлявшей его круглую, как клумба, лысину, не увидел в зеркале, что тётя Катя теперь уже откровенно смеётся, деликатно прикрывая мягкий рот ладонью.

— Что... вы, тётя Катя? — спросил Фуфаев, обернувшись.

— Ничего, товарищ Фуфаев! — ответила тётя Катя. — Настроение хорошее.

— По займу выиграли?

— Нет, просто так! По погоде! Вон солнышко-то как играет!

— Погода отличная! — согласился с гардеробщицей Фуфаев. — Я шёл пешком — получил удовольствие. Свободно можно было не надевать калоши. К тому же и по радио был объявлен хороший прогноз.

— Не всегда они в точку-то попадают! — сказала тётя Катя. — Понадеемся на ихний прогноз, скинешь шубу, а потом зубами щёлкаешь!

— Бывает, — солидно подтвердил Фуфаев.

Наблюдая за лицом тётя Кати, он отметил про себя, что насмешливые огоньки в глазах гардеробщицы не гаснут, и добавил:

— Ошибки неизбежны в каждом деле, тем более в таком тонком, как прогноз погоды, тётя Катя. Стихия!

Он покровительственно кивнул гардеробщице и стал медленно подниматься по широкой лестнице к себе на второй этаж.

«Неспроста! — думал он, невольно ускоряя шаг. — Видно, что-то случилось. И уже докатилось до гардероба!»

Он открыл дверь и очутился в своём коридоре. Навстречу попала машинистка Ольга Степановна. Фуфаев поклонился, машинистка ответила ему лёгким кивком головы, и улыбка, показавшаяся Фуфаеву извительной, тронула её поблекшие губы.

«И эта... тоже!» — подумал Фуфаев. Он уже не шёл, а почти бежал. Скорей, скорей к себе! Расспросить, выяснить, разузнать!..

Он повернул направо по коридору, и сердце у него сжалось: на стене висел свежий номер стеной газеты «Наш рупор». Возле газеты никого не было. Фуфаев подошёл, лихорадочно надел очки.

— Передовая... В передовой ничего нет про меня... «О бдительности»... Тоже нет!.. «Кому что снится»... Слава богу, мне ничего не снится!.. Карикатура!.. Что такое? Будка телефона-автомата. К ней очередь. Первым толстяк. Какая странная шляпа!.. С пером!.. «Тар-тарен из Тар-рас-кона»... Тартарен?.. Тараскон?.. Учреждение, что ли?.. Не похоже... Второй... тоже странный тип! Нос кривой... Барон Мюнхгаузен... Ах, Мюнхгаузен!.. Знаменитый враль!.. Так, так, так... Дальше — Хлестаков!.. А это что за старичок?.. Шапка на затылке, бородёнка растрёпанная. Да это же дед Щукар!.. Тоже умел поврать!.. А за ним... толстый, лысый, с портфелем! Фу, какая противная, смешная рожа!.. Батюшки, да это же я!

Фуфаев уронил портфель, поднял его и быстро прочитал подпись под карикатурой:

«Кто крайний? Я за вами!»

Над рисунком, в углу, было что-то напечатано в виде некоего объясняющего карикатуру эпиграфа. Фуфаев не стал читать. Ему и без эпиграфа всё было понятно.

...Это случилось несколько дней тому назад. Вечером, когда Фуфаев в пижаме и домашних туфлях сидел дома на диване и рассматривал фотографии в «Огоньке», раздался телефонный звонок. Иван Семёнович снял трубку и узнал голос заведующего отделом Тимофеева. Он поморщился: «Сейчас скажет: «Собирайся, брат, в дорогу». Фуфаев знал, что его хотят отправить в далёкую и трудную командировку, и отбивался от неприятного поручения, как говорится, и руками и ногами. Всю неделю он ходил к разным начальникам и говорил, прикладывая руку к груди и глядя на начальство преданными, правдивыми глазами:

— Я прошу войти в моё положение, я бы не стал отказываться, но сейчас... Жена болеет почти непрерывно, я тоже расклеился... Сынишка — и тот... приносит сплошные двойки. Мне необходимо серьёзно заняться сыном. Это мой долг отца и гражданина... В конце концов вместо меня можно послать Усовича... Он бездетный!..

...И вот, видать, всё сорвалось! Сгорел! Разве их проймёшь — чинуш толстокожих!

Тимофеев, хитрец, начал издали:

— Как здоровье, товарищ Фуфаев?

— Плохо! Едва ноги таскаю!

— Утром я тебя видел. Ты, брат, ничего, по-моему... цветёшь...

— Наружность обманчива.

— Это верно. А жена как?

— Тоже плохо.

Мозг Фуфаева был напряжён до крайности. «Найти выход!.. Что-то придумать!.. Обосновать свой отказ от поездки!.. Но чем, чем, чем?»

И вдруг неожиданно для самого себя, повинувшись инстинктивному желанию выиграть время и отсрочить неприятный разговор, он, перебив Тимофеева, сказал в трубку:

— Извини, товарищ Тимофеев, я с тобой из автомата говорю, а тут очередь волнует. Созвонимся позже...

Наступила неприятная, тяжёлая пауза. Фуфаев готов был сквозь пол провалиться. Такая промашка!.. Но... слово не воробей: вылетит — не поймаешь. И он услышал в трубку насмешливый голос Тимофеева:

— Одну минуточку, Иван Семёнович. Я хочу только передать, что есть решение не посылать тебя в командировку, принимая во внимание твои домашние обстоятельства. Вот и всё! Кланяйся твоей... очереди.

Тимофеев, видимо, рассказал об этом случае Кумыкину, редактору стенгазеты. А тому только дай к чему-нибудь прицепиться!

Фуфаев вошёл в кабинет и с раздражением бросил на стол свой портфель. Сидевший напротив, за другим столом, плечистый блондин — ревизор-инспектор Усович — вздрогнул и, оторвавшись от папки с бумагами, поднял голову. Глаза у него были растерянные, широко открытые, как у пловца, только что вынырнувшего из глубины реки на поверхность.

— Видали... в «Рупоре»-то, а? — спросил его Фуфаев, забыв поздороваться.

— Здравствуйте, Иван Семёнович... Это вы о карикатуре?

— Да! Об этом... пасквиле!

— Нарисовано, между прочим, довольно смешно, — сказал Усович. — И сходство схвачено. Ступницкий, конечно, рисовал.

— Ничего нет смешного! Плоско и неостроумно! Ступницкий!.. Тоже мне... Борис Ефимов!

— Будет вам горячиться, Иван Семёнович, — примирительно сказал добродушный Усович.

— Удивляюсь, как вы можете так рассуждать! Меня опозорили перед лицом всего коллектива! Я пойду к Кумыкину, — закончил Фуфаев. — Если мне будут звонить, скажите, что буду... через... час!

Экономист Кумыкин, он же редактор стенгазеты «Наш рупор», сидел в общей комнате планового отдела, и Фуфаев не захотел объясниться с ним по такому деликатному вопросу при всех.

Они вышли в коридор, сели на подоконник. Кумыкин, молодой человек с круглой, коротко остриженной головой, сняв очки, поморгал близорукими глазами и спросил Фуфаева весело, без тени смущения на румяном, здоровом лице:

— Обижаться пришли, Иван Семёнович?

— Удивляться, — с достоинством сказал Фуфаев.

— Чему?

— По-вашему, нечему?

— Всё же правда, Иван Семёнович!

— Минуточку, Павел Николаевич! — тем же ледяным тоном сказал Фуфаев. — Значит, вы считаете, что меня, нерядового всё-таки работника, можно ставить в один ряд с... бароном Мюнхгаузеном!

— Ах, вас «барон» задел?.. Согласен: Мюнхгаузен — это преувеличение. Но ведь в карикатурах такие преувеличения допустимы. Ступницкий заострил образ, только и всего!

— Заострил! — Фуфаев передёрнул плечами, фыркнул. — Он завтра меня вампиром изобразит. Вы и это пропустите?

— Нет, вампира не пропущу! А вралем — это ничего, это можно!

— Как прикажете вас понять, Павел Николаевич?

— Так, как говорю, — продолжая улыбаться, ответил Кумыкин. — Я человек прямой и говорю всегда прямо. Вы много стали последнее время — извините! — врать, Иван Семёнович. Не обижайтесь, но, честное слово, нельзя же так!.. Врёте вы, правда, по мелочам, но зато берёте количеством. Вот «Рупор» и решил вас предупредить. А то, знаете, от мелкого вранья до крупного один шаг. Количество может перейти в качество!.. Вы не обижайтесь, — прибавил Кумыкин, уже серьёзно глядя на насупившегося Фуфаева, — а лучше подумайте над тем, что я сказал.

— Для того, чтобы обвинять человека чёрт знает в чём, — багровея, раздельно сказал Фуфаев, — надо иметь факты, Павел Николаевич. Какие у вас имеются факты?

— Да взять хотя бы случай с гражданином Лукиным. Помните? Он пришёл к вам узнать про своё дело, а вы взяли и соврали, что его заявление послано «в высшие инстанции». Зачем вы соврали?

— Я не соврал. Я... ну... сманеврировал, что ли! Надо было кое с кем согласовать этот вопрос.

— Перестраховаться?

— Экий вы, Павел Николаевич, так и норовите... под ребро! Не перестраховаться, а посоветоваться с вышестоящими товарищами.

— Лукин к вам три недели ходил, и все три недели вы ему врали. А потом он, конечно, дознался, что вы ему солгали про «высшие инстанции».

— Скандалист! Настырный человек — только и всего!

— Допустим! Но врать-то зачем, Иван Семёнович? Да ещё на высшие инстанции валить!

— Это не ложь, — убеждённо произнёс Фуфаев. — Ложь — это когда человек говорит заведомую неправду.

— А вы разве Лукину правду сказали?

— Нет!.. Но нельзя же так расширительно толковать. То, что я сказал, — это такая... формула разговора с посетителем. Лукин должен был понять, что нужно не трепыхаться, обождать. Я не виноват, что он принял мои слова за чистую монету.

— Он пришёл в государственное учреждение не шарady разгадывать, Иван Семёнович.

— Бросьте, Павел Николаевич, вы перегибаете! — снисходительно бросил Фуфаев. — Если так рассуждать, то можно всех в эти... в Терриканы или — как там? — в Тарасканы записать!

— В Тартарены. И не всех! — обрезал его Кумыкин.

— А случай с цифрами капитального ремонта! — сказал он, помолчав. — Вы не успели подготовить эти цифры, не выполнили задание в срок. Сказали бы об этом честно, прямо. Нет, вы опять соврали, что вы больны, что у вас температура! И в этот же вечер Тимофеев встретил вас с женой в театре.

— Он мне температуру в театре не измерял, между прочим!

— Да, градусника у него с собой не было! Не знал, что вас встретит, и не захватил... Ну, как это назвать, Иван Семёнович?

— Мелочью, о которой даже и говорить-то неловко такому серьёзному человеку, как вы, Павел Николаевич.

— А по-моему, мелкой ложью, которая не к лицу такому серьёзному человеку, как вы, Иван Семёнович... А последний случай с телефонным звонком Тимофеева?

— Типичная оговорка!

Они замолчали. Говорить было не о чем.

— Подведём итоги, — сказал Кумыкин после неприятной, тяжё-

лой паузы. — Я считаю, что вы солгали во всех трёх случаях, а по-вашему, вы в первом случае сманеврировали, второй вообще считаете мелочью, а в третьем не солгали, а оговорились. Договориться мы не сможем. Пишите заявление, Иван Семёнович, обсудим на редколлегии: вопрос принципиальный!

— Обязательно напишу! — твёрдо заявил Фуфаев. — Я уважаю стенную печать, но и стенная печать должна, так сказать, уважать объекты своего критического внимания. Ему понравилась звонкость этой фразы, и он повторил с удовольствием:

— Да, должна уважать! Потому что сегодня я объект стеной печати, а завтра субъект.

Кумыкин посмотрел на важное, толстое лицо Фуфаева и неделкатно усмехнулся.

— Пишите, пишите, Иван Семёнович! — сказал он, сразу погасив смех и спрыгнув с подоконника.

Фуфаев пошёл к себе. На душе у него было скверно. Он уже жалел, что сгоряча затеял этот разговор с Кумыкиным, и думал, что, пожалуй, подавать заявление не стоит, чтобы не «раздуть кадило», но когда увидел у стенгазеты сослуживцев, со смехом рассматривающих карикатуру, тягостное ощущение стыда и обиды снова охватило его с такой силой, что он даже зубами закрипел от злости на нахальных стенгазетчиков. Он быстро прошмыгнул в кабинет. На сочувственный вопрос Усовича: «Ну, как?» — резко ответил: «Никак!» — и сел сочинять заявление в «Наш рупор».

Писалось ему сначала нелегко, но потом Фуфаев вошёл во вкус, и перо его быстро забегало по бумаге.

Когда на столе звонил телефон, Фуфаев коротко бросал в трубку: «Идёт заседание, звоните позже!» — и продолжал строчить, укоряя и обличая.

«Вы очернили меня, абсолютно правдивого, прямого человека, — писал он, повторяя шёпотом, про себя, слова, возникавшие на бумаге, — написали, что я Мюнхгаузен...»

Снова звонок. И снова Фуфаев коротко бросил в трубку:

— Занят, не могу!.. Выполняю срочное задание руководства!.. Да, да, приказано всё отложить...

И снова строчил:

«Я с детства питаю отвращение ко всякой лжи...»

...Заявление получилось красноречивое, убедительное — со «слезой».

Рис. Е. ЩЕГЛОВА.

ОБИДНО — ДОСАДНО

— Почему так обиделся наш комсорг!
— Ещё бы! Назвали старым бюрокрatom, а ему всего 20 лет.

«С истеричным уважением...»

Лет восемь назад домохозяйка города Куйбышева всполошила странная весть:

— Медики ловят на улицах кошек!

Владелицы исчезнувших кисок ринулись в медицинский институт. Здесь их встретил высокий сухощавый человек.

— Будьте выше мелких, обывательских привязанностей, — сказал он. — Кошек вы больше не увидите. Мысленно проститесь с ними...

— А где они? — несмело осведомилась женщины.

— Они во власти травматического шока, — сказал учёный и скорбно добавил: — Им очень худо... Но ничего не поделаешь, наука требует жертв!

Кандидат медицинских наук Андрей Васильевич Беличенко сказал правду. Кошкам, попавшим в его руки, было худо. А худо потому, что Андрей Васильевич, писавший в то время диссертацию о природе травматического шока, хотел доказать миру, что если кошку не кормить, не поить и часто бить по голове железным молотком, она почувствует себя весьма и весьма плохо.

Вот как писала об этих удивительных экспериментах в марте 1949 года газета «Медицинский работник»:

«...множество кошек было выкупано в ледяной воде, подвергнуто голоду, кровопотере,

воздействию различных веществ...» Далее газета отмечала: «К сожалению, никто своевременно не указал диссертанту, что он трудится впустую, тратит время и государственные средства на доказательство элементарных, не требующих подтверждения истин». В заключение сообщалось, что Высшая аттестационная комиссия отказала А. В. Беличенко в присуждении докторской степени. Незадолго до этого неприятного события Андрей Васильевич перебазировался в Курск. Смелый экспериментатор был восторженно встречен в облздравотделе и в институте.

— Неужто вы к нам? — не поверили куряне.

— Да, решил жить, трудиться и творить у вас. Что вы намерены мне предложить?

— Хотите заведовать кафедрой в институте?

— Хочу.

— Дадим ещё хирургическое отделение в больнице.

— Спасибо.

— Назначим главным хирургом облздравотдела.

— На первое время хватит, — скромно опустил глаза, сказал экспериментатор. — Насколько я понимаю в медицине, три должности — это три ставки?

— Вы уж не беспокойтесь...

ЧАС ОТДЫХА

Явную халатность проявили руководители санатория имени X-летия Октября ЦК профсоюза рабочих железнодорожного транспорта, не отремонтировавшие помещения к летнему сезону. Ремонт приходится делать «на ходу», в присутствии отдыхающих.

Рис. И. СЕМЕНОВА.

— Не кричите, граждане, вы своим криком мешаете другим отдыхающим.

— Это так, к слову. Когда я окунаюсь в научно-учебно-лечебную работу, я забываю о материальных благах. Я привык приносить себя в жертву науке... И так, я начну у вас в внедрения павловских методов...

Через некоторое время бразды правления курским облздравотделом взяла в свои руки К. Ф. Андреева.

— Будьте как дома, действуйте, — млея от восторга, сказала она Андрею Васильевичу.

Беличенко засучил рукава и начал действовать.

Курские кошки могли спать спокойно. Очередь волноваться пришла людям. Первыми почувствовали себя худо врачи.

— Наука требует жертв, — сказал своим коллегам и подчинённым Беличенко. — Отсюда вывод: на работе надо гореть! А кто не будет гореть, пусть пеняет на себя.

Вслед за этим, так сказать, программным, нравочением последовали другие.

— Врач должен излучать энергию, — говорил главный хирург. — Учтите, что рохли и дураки мне не нужны.

Для пущего эффекта Беличенко свои монологи любил произносить в палатах, в присутствии больных.

— Вы кто: врач? — драматически вопрошал он. — Вы мокрая курица, а не врач!

Далее притихшие больные узнавали, что лечащий их врач — «круглая дура и идиотка». Затем выяснялось, что хирург, который должен оперировать больных, — чурбан и вообще «ни черта не смыслит в медицине». Больные бледнели. Им казалось, что хирург во время операции обязательно спугает слепую кишку с двенадцатиперстной.

С больными Андрей Васильевич разговаривал иначе. Он шёл к ним с сердцем, исполненным любви и жалости.

— Что мне делать с вами, батенька? — вздыхал он.

— А что? — пугался больной.

— Плохи ваши дела!

— Плохи?! —

— Ага!

Всё это как-то не вязалось с высказываниями академика Павлова об охранительном режиме. Иван Петрович учил, что слово врача не должно травмировать психику больного. Наоборот, оно призвано помочь выздоровлению пациента.

— Здесь что-то не так, — сказали коллеги главного хирурга.

— Так! — заверила заведующая облздравотделом и добавила, что такое научное светило, как Беличенко, не обязано слепо придерживаться старомодных правил медицинского этикета.

Вслед за врачами усомнились студенты.

— Тут что-то не так! — сказали они. — Лекции Андрея Васильевича медицински неграмотны. Да и сам он малограмотный человек.

Однако и это не поколебало ни дирекцию института, ни облздравотдел.

— Человек, владеющий скальпелем, не обязан хорошо владеть и пером, — сказала Андреева.

— Какое там хорошо! Поглядите, как он пишет: «товарищ», «прооперироватых», «истинное уважение»...

Вслед за студентами возмутились сельские врачи, практиковавшие в клинике Беличенко. Попутно выяснилось, что за пять лет работы в институте наш учёный не подготовил ни одного кандидата наук. За это же время кафедра, возглавляемая Андреем Васильевичем, не обнародовала ни одной полноценной научной работы. И, наконец, комиссия Министерства здравоохранения РСФСР установила, что пылкий «сторонник Павлова» не слишком рьяно внедрял его идеи в научную и лечебную работу. Несмотря на всё это, Андрей Васильевич попрежнему ходил в штатных гонимых облздравотдела и института. Товарищ Андреева продолжала радовать о нём, как о родном человеке. Впрочем, Беличенко и впрямь был близким человеком Андреевой... Он был её супругом.

Ныне К. Ф. Андреева уже не заведует Курским облздравотделом. Однако в судьбе Андрея Васильевича коренных изменений не произошло.

Кто же сейчас радеет куйбышевскому экспериментатору?

г. Курск.

Г. КНЯЗЕВ

ИЗ НАПЕЧАТАННОГО

ПУД ПРИКАЗОВ В ДЕНЬ

Начальник Основьянского паровозного депо тов. Кусенко поднялся было уже из-за стола, чтобы пойти в подъёмочный цех, когда секретарь принёс ему новую кипу бумаг, полученных из управления дороги.

— Довольно, довольно, потом!.. — отмахнулся он.

— Ну хоть вот это посмотрите, Анатолий Самойлович, — подал секретарь объёмистую зелёную книжку.

На обложке значилось: «Комплексный план внедрения передовых методов труда в хозяйствах Южной железной дороги на 1-е полугодие 1953 года».

— Вы, наверно, уже месяца два этот план у себя держите? Посмотрите, что здесь написано.

— Да что вы, Анатолий Самойлович, сегодня только получили! Да вот тут где-то указано, когда эта книга напечатана. Здесь... Нет, кажется, дальше. Вот тут. Видите: 1 апреля.

Анатолий Самойлович ещё раз склонился над книгой и вдруг громко рассмеялся. За окном стоял солнечный апрель, а авторы плана предлагали провести в феврале конференцию по обмену опытом машинистов-тяжеловесников, описать в марте приёмы работы на станке для анодно-механической заточки инструмента...

Впрочем, смеялись в этот день, перелистывая семь печатных листов «плана», десятки руководителей предприятий Южной железной дороги. Путейцам в нём предлагалось в мае и июне обучать бригадиров способам содержания пути в зимних условиях, дежурным по вокзалам

рекомендовалось внедрять метод тт. Жандаровой и Агафоновой — отлично обслуживать пассажиров на каждой операции (?!).

В плане перечислено 483 мероприятия, из них 232 относятся к давно прошедшему I кварталу.

Писательский зуд с некоторых пор не даёт покоя работникам управления дороги. Самым узким местом производства оказалось машинное бюро, не могущее пропустить всей продукции ретивых писак. Только в I квартале начальник дороги тов. Дмитрюк издал 383 приказа и приказания, на которые израсходовано более полутора тонн бумаги, то есть пуд приказов в день!

Руководители депо, станций, дистанций пути изнемогают под тяжестью бумаг, которые потоками поступают к ним из управления дороги. Начальник Основьянского паровозного депо тов. Кусенко, например, за три месяца получил 440 приказов, приказаний, мероприятий, указаний и телеграмм. Из них 340 принадлежат перу работников управления дороги. Сосед тов. Кусенко — начальник станции Основа тов. Шутов — получил за это время 336 «руководящих» бумаг.

Сколько же драгоценного времени уходит на то, чтобы только прочесть всё это! А часто это время тратится зря. С содержанием одного из таких «трудов» читатель уже имел возможность вкратце познакомиться. К сожалению, этот труд не единственный в своём роде.

Министерство путей сообщения 5 марта текущего года издало приказ № 39, предложив дороге в пятнадцатидневный срок проверить выполнение мероприятий по улучшению безопасности движения поездов. Спустя двадцать пять дней руководители дороги издали свой приказ № 217 и переложили всю ответственность за выполнение министерского приказа на начальников отделений и хозяйственных единиц. Министр установил срок в пятнадцать дней, а начальник дороги только двадцать пять дней составлял свой приказ.

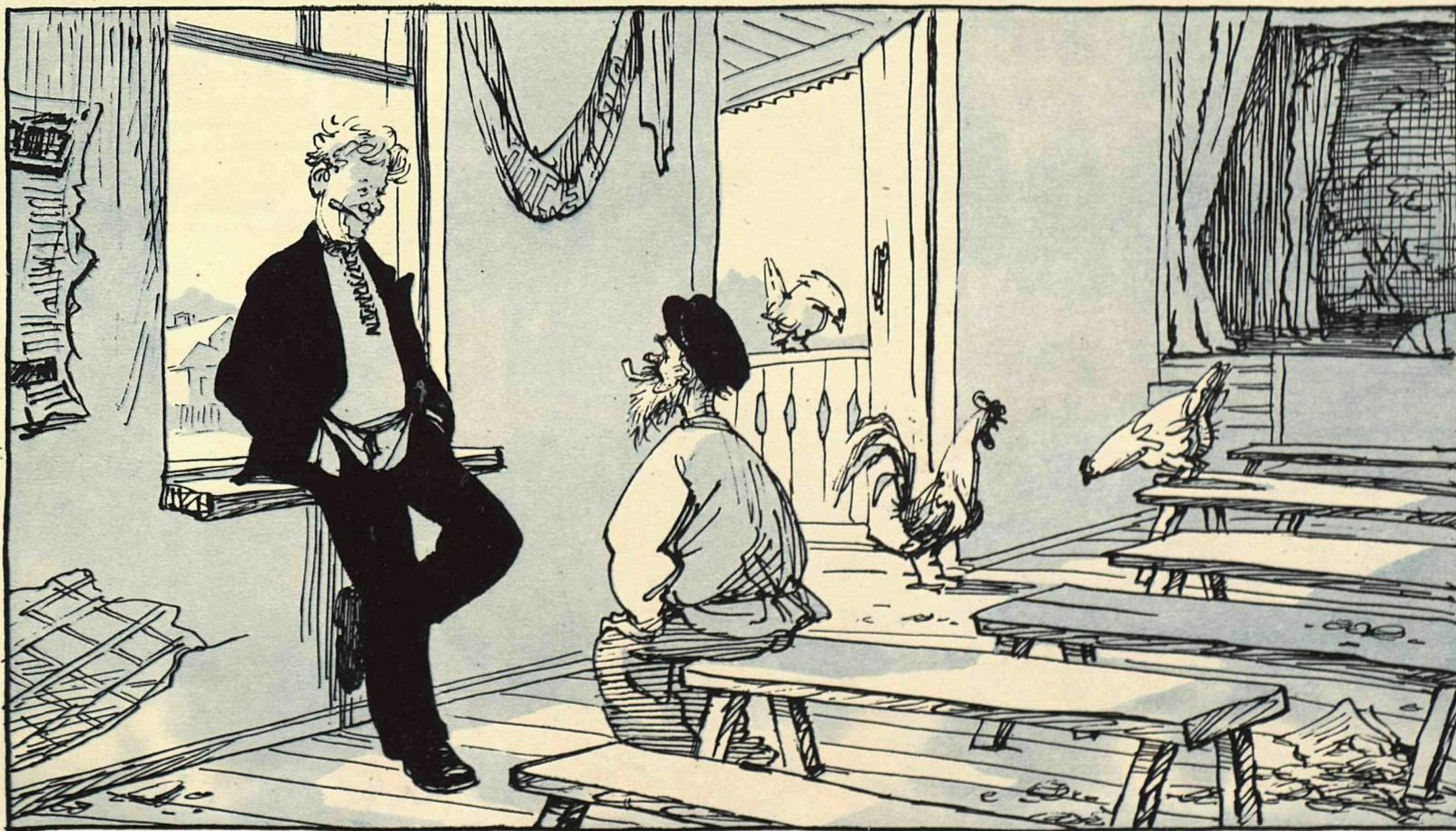
Министерство установило месячный срок для ликвидации перепробегов локомотивов между промывками. Но за месяц в управлении дороги успели только сочинить приказ о разработке предложений по осуществлению вышестоящего приказа. Уж очень своеобразно работает приказоделательный агрегат в управлении дороги!

г. Харьков.

Л. САПРОНОВ

Рис. Ю. УЗБЯКОВА.

И СКУЧНО, И ГРУСТНО...

— Никто не говорит, что у нас в клубе бывает скучно.
— Почему!
— А у нас в клубе никто не бывает.

Некое «Бюро деловой практики» публикует ежемесячный бюллетень под названием «Гуманный подход». Бюро рекламирует этот бюллетень как «пособие администраторам предприятий для установления отношений с рабочими на гуманной основе».

Один из номеров бюллетеня уговаривает администраторов предприятий не прибегать к угрозам по адресу рабочего. Бюллетень даёт такой совет: «Когда у вас появляется непреодолимое желание обрушиться на рабочего с бранью и угрозами, остановитесь и вспомните: пытались ли вы по-настоящему заинтересовать рабочего, чтобы он хорошо выполнял свою работу? Было ли у вас время и терпение выяснить, в чём дело?»

Совет отменный. Попробуем теперь представить себе применение этого совета на практике. Допустим, мастер обращается к сварщику во время работы:

— Не беспокоит ли вас что-нибудь, дружище?

— Нет.

— Очень интересен узел, который вы свариваете, не правда ли?

— Что-то в этом роде.

Мастер крикает:

— Послушайте, дружище, я не хочу угрожать вам, но ведь вы могли бы сваривать на шесть деталей в час больше, чем вы свариваете сейчас.

Тэд ТИНСЛИ

Сварщик, в свою очередь, крикает и отвечает:

— Думаю, что смог бы, но делать этого не намерен.

Тут мастер чувствует, что теряет самообладание, однако же быстро заглядывает в бюллетень «Гуманный подход», который рассудительно советует ему: «Если случится самое худшее, если все положительные способы не дают желаемых результатов, тогда предупредите рабочего, но ни в коем случае не угрожайте ему. Между предупреждением и угрозой существует разница. Не размахивайте дубинкой над головой рабочего, а просто информируй-

те его в дружеской форме о возможных последствиях данных обстоятельств, не переходя на личности».

Прочитав это, мастер чувствует себя во всеоружии для продолжения разговора со сварщиком:

— Дружище, я не перехожу на личности и, как видите, совершенно не угрожаю вам. Примите, однако, во внимание возможные последствия, если вы не будете сваривать на шесть деталей больше.

— Если я не буду сваривать на шесть деталей больше, возможным последствием будет то, что вы получите столько же деталей,

сколько и теперь,— невозмутимо отвечает сварщик.

— Дорогой мой,— говорит мастер, едва сдерживаясь,— может случиться нечто худшее. Вы должны читать бюллетень «Гуманный подход», чтобы уразуметь сущность вещей.

— А вы должны уйти отсюда, чтобы не мешать мне работать,— в тон ему отвечает сварщик.

— Послушайте, дружище, я не угрожаю вам, но если вы не будете сваривать на шесть деталей больше, то я боюсь, что придётся вас уволить.

— Что ж, вы хотите, чтобы я сваривал на шесть деталей больше за ту же самую почасовую оплату? — осведомляется сварщик.

Мастер не выдерживает, рвёт в клочья бюллетень «Гуманный подход» и визгливо кричит:

— Ваш вопрос носит подрывной характер! Вы уволены!

Не в этом ли сущность гуманного подхода, проповедуемого «Бюро деловой практики»? Конечно, нет! Ведь бюро поучает, что рабочему нужно объявлять об его увольнении «низким, хорошо поставленным голосом, всячески избегая угроз».

Перевод с английского из американской газеты «Дейли уоркер».

Рис. М. АБРАМОВА.

Инициаторы «плана Шумана» доказывают, что создание западноевропейского угольно-стального картеля способствует «гармоническому развитию» экономики стран — участниц этого объединения. Ныне, однако, западно-германский уголь вытесняет с рынков французский и бельгийский уголь.

Отбойный молоток «системы Шумана».

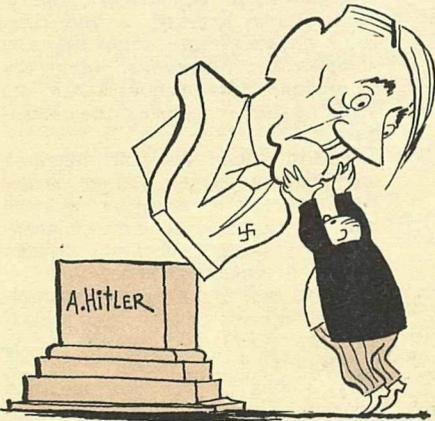
Гансгеорг ШТЕНГЕЛЬ

НОВОЕ КРЕЩЕНИЕ В БОННЕ

После одобрения «общего договора» боннским бундестагом было принято решение переименовать улицы и площади многих западногерманских городов. Так, улица имени писателя-антифашиста Карла Осецкого переименована в улицу Седана, улица Карла Либкнехта стала улицей Мольтке и т. д.

Настало время бойкой перекраски,
Вчерашних улиц и в помине нет:
Меняют их названья без опаски.
На всех углах при орденях и в каске
Встречать нас должен призрак «бренных лет».

Всё перестройкой занято повальной,
Всё заново окрестят сгоряча.
Составлен план крещенья
поквартальный.
Чтоб ржавчина в глухой дыре
подвальной
Вконец не съела прусского меча.

Парк Геринга. В листве щебечут птички.
Сад Риббентропа — розы и фонтан.
Сорви цветок, носи его в петличке.
И «Зәукель» читай на той табличке,
Где раньше было имя «Томас Манн».

Сначала бюсты Гитлера расставят,
Затем повесят свастику, и вот
Штурмгруппенфюрер «хайль» кричать
заставит,
А там, глядишь, «четвёртый рейх»
объявят
И, наконец: «Германия, в поход!»

Так, способом копеечно дешёвым
Хотят нас одурачить господа
И воскресить крещеньем этим новым
Фашизм, войну, убийство, рабство...
Словом,
Материала хватает для суда.

Перевёл с немецкого Лев ГИНЗБУРГ.
(Из сатирического журнала «Фришер винд»)

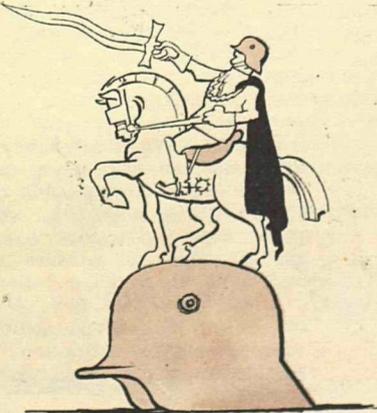

Рис. Бор. ЕФИМОВА.

— Мы рассчитывали на то, что они будут в рядах «европейской армии», а они оказались в рядах армии мира.

ВИЛЫ В БОК

ЛИЧНО ЧЕРТИЩЕВУ

Молодой и неопытный председатель Хмелевицкого районного оргкомитета ДОСААФ Горьковской области Л. Мутовкин очень нуждался в практической помощи со стороны своего вышестоящего начальства.

— Сомнения одолевают, товарищ «начинающий»? Требуется

подсказать, как лучше вести организационную работу? — сочувствовали из областного центра по телефону. — Воспрянь духом: посылаем к тебе старшего инструктора областного оргкомитета Чертищева — сразу всё разъяснит!

Новичок долго ждал всемогущего Чертищева, старался представить себе, как тот своей опытной руководящей рукой станет устранять одно затруднение за другим. Однако вместо старшего инструктора в Хмелевицы прибыло письмо, написанное его поистине опытной рукой.

«Тов. Мутовкин! — писал Чертищев, —...слушай и извини меня. Прошу тебя, если спросят, скажешь: был в Хмелевицах. А к тебе приедем и поможем, это ты не бойся и не беспокойся. Но прошу тебя об этом, что я написал, не говори никому... Ещё прошу тебя, вышли мне справку, заверь её в райисполкоме, что был в Хмелевицах тогда-то, выбыл тогда-то, вот в таком духе. С приветом! Справку вышлешь лично Чертищеву Виктору Ивановичу».

Рис. Вл. ДОВРОВОЛЬСКОГО.

Госкультпросветиздат часто выпускает недоброкачественные книги.

— В книгах у вас недостатка нет, но в книгах недостатков много!..

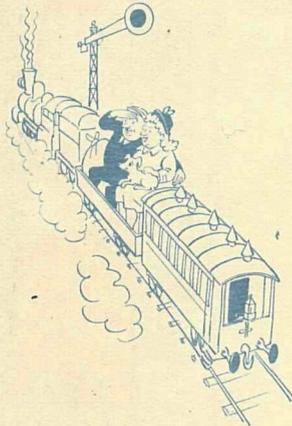
— Ну как, товарищ Мутовкин, научил тебя Чертищев работать? Всё ясно или ещё разок его при слать? — спросили из Горького по телефону.

— Всё ясно! — поторопился ответить председатель районного оргкомитета. — Пожалуйста, больше не посылайте.

СОГЛАСНО ДОГОВОРЕННОСТИ...

Чин по чину, на солидном бланке и за трёхзначным номером отправлено с периферии в центр срочное письмо. А в письме — официальное ходатайство:

«...разрешите мне поехать эшеломом № 16 заместителем начальника эшелона, а жену оформить в должности медсестры по сопровождению эшелона № 16. Цель нашей поезд-

«Товарищ... Убедительно, лично обращаюсь к Вам с просьбой: сообщите на моё имя не получили ли Вы в течение 1952 года шнур осветительный... который Вами возможно оприходован без предъявления нашей конторой счёта. Всего могло поступить 2.000 метров...»

С приветом
Начальник московской конторы «Мортехснаб»
В. ЛЫСЕНКО.

«Видно, надеется товарищ Лысенко на благополучный исход, — размышляли работники пароконнодства. — Как, дескать, верёвочка ни вьётся, конец найдётся».

А что остаётся делать начальнику «Мортехснаба», коли он учёт материальных ценностей пустил «по воле волн»?

Если не отыщется этот двухкилометровый «кончик», не легко будет свести концы с концами!

ПЛОХАЯ ПРИМЕТА

«Если заяц перебежит дорогу, быть беде!» Кто-кто, а тов. Власов, председатель сельхозартели «Парижская Коммуна», Ядринского района, Чувашской АССР, об этой примете никогда не забывает.

Как-то после весёлой пирушки он собственноручно запряг Зефира, племенного жеребца колхозной конфермы, и, сопровождаемый друзьями, с песнями выехал гулять в соседнюю деревню.

И что же? Заяц-русак, одержимый коварным намерением накликать на тёплую компанию беду, вздумал было перебежать им дорогу. Косой за это был жестоко наказан. Пущенный за ним вдогонку Зефир пошёл по полю галопом и растоптал дерзкого злоумышленника.

ки с женой заключается в том, чтобы посмотреть местность, если понравится, то переехать жить на Восток. Когда был в Горьком в январе месяце тов. Петраков Я. К., он нам обещал это устроить...

Управляющий Горьковским отделением «Союзрыбпрома» В. КЕЛЬДЮШЕВ.

Супругам Кельдюшевым, очевидно, можно собираться в путь-дорогу. Раз тов. Петраков обещал это устроить, семейная экскурсия на казённый счёт обеспечена. Не станет же заместитель управляющего всесоюзной конторой «Союзрыбпрома» слова на ветер бросать!

ОТДАЯ КОНЦЫ!..

В начале года многие морские пароходства получили такие пахнущие свежей типографской краской лирико-драматические послания:

Правда, загнав зайчишку, охотники загнали и Зефира, который вскоре издох от паралича сердца. Но охотники довольны: заяц не успел перебежать дорогу, над ним, значит, не должно теперь стрястись ни малейшей беды.

А что случилась беда в колхозе — погиб племенной жеребец, — это ретивого охотника тов. Власова, повидимому, несколько не волнует.

Рис. Н. ЛИСОГОРСКОГО

СПЕЦИАЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

Три дня подряд этот высокий седовласый старик провёл в приёмной. Часы тянулись ужасающе медленно; порой настойчивому посетителю казалось, что время вовсе остановилось.

Наконец секретарша, возвращаясь из кабинета, не закрыла за собой дверь и бросила ему мимоходом:

— Заходите!

Не помня себя от радостного волнения, старик переступил порог кабинета.

— Товарищ Панов? Заместитель председателя горисполкома? — вежливо осведомился он.

— Да, я, — последовал раздражённый ответ. — Что вам угодно?

Постукивая палочкой, старик прошёл поближе к массивному письменному столу.

— Я по поводу одного музея... Видите ли... — начал он.

— Короче. Кто вы такой?

— Я литературовед. Занимаюсь исследованием творчества Мамина-Сибиряка. Специально прибыл из Москвы, чтобы на месте ознакомиться с музеем, который носит имя писателя.

— Из Москвы? — внезапно оживился тов. Панов. — Очень приятно! Да, да, у нас есть такой музей! Помнится, мы даже приняли специальное решение об увековечении памяти Дмитрия... Дмитрия... — и он с досады прищёлкнул пальцами.

— Да, — снисходительно усмехнулся посетитель. — У него действительно трудноватое отчество: Наркисович.

— Дмитрий Наркисович, — подхватил зампред. — Совершенно точно. Как же, как же, у нас в Свердловске его чтут, печатают, читают! Музей Мамина-Сибиряка — это же наша гордость...

— Увы, — с печалью сказал приезжий, — гордость тут не при чём. Неделю назад я приехал в Свердловск и первым делом, разумеется, направил свои стопы к дому, где прощали лучшие годы жизни писателя, где он много и плодотворно потрудился. От главной улицы Ленина до музея три минуты ходьбы... но, извините, мне показалось, будто я не в новом, благоустроенном областном уральском городе, а в стареньком Екатеринбурге. Ровно полвека тому назад был я в этом городе, был в доме Дмитрия Наркисовича... Должен признаться, теперь города я не узнал: вырос, похорошел. Но, увы, на этом участке Пушкинской улицы никаких перемен: грязь, лужи, запустение. Возле дома, представьте, даже тротуара нет. Подойти к музею можно лишь в охотничьих или резиновых сапогах. К сожалению, я не располагаю такой обувью и поэтому не могу попасть в музей. А приехал я сюда именно с той целью, чтобы познакомиться с найденными недавно новыми материалами о Дмитрии Наркисовиче. Правда, работники музея кое-как переправляют мне в гостиницу некоторые бумаги, но я говорю не о себе. Как прикажете быть с тысячами людей, которые желают посетить этот интересный музей?

Старик-литературовед устало опустил в кресло и, глядя заместителю председателя в лицо, на котором лежала печать благодушного и устойчивого спокойствия, продолжал:

— И вот... когда я свернул с центральной улицы и сделал несколько шагов, меня охватило искреннее сожаление, что в Свердловске не издана книга на тему «Как подойти к музею Мамина-Сибиряка, не увязнув в грязи...»

— Простите, — воскликнул тов. Панов, — простите, товарищ литературовед, но не ошиблись ли вы? Этого быть не может! Видимо, вы сбились немного с пути, забрели не на ту улицу и приняли какой-то другой дом за музей...

Он поспешно отыскал на столе среди груды бумаг пухлую папку и стал листать её, шелестя страницами.

— Вот послушайте! — торжественно воскликнул он. — «Решение исполкома Свердловского горсовета № 811 от 16 октября 1950 года. К празднованию столетия со дня рождения писателя Мамина-Сибиряка... В целях пропаганды творчества писателя... обязать председателя исполкома Сталинского райсовета до 1 ноября 1952 года проложить тротуар по Пушкинской улице от улицы Первомайской до здания музея. Предусмотреть в плане 1953 года полное благоустройство этого участка Пушкинской улицы (мощение и посадка деревьев) и сделать подход к литературному музею писателя доступным для населения». Видите, дорогой товарищ литературовед, а вы говорите, никаких перемен... — И заместитель председателя горисполкома с торжеством ткнул пальцем в решение, под которым красовалась его собственноручная подпись.

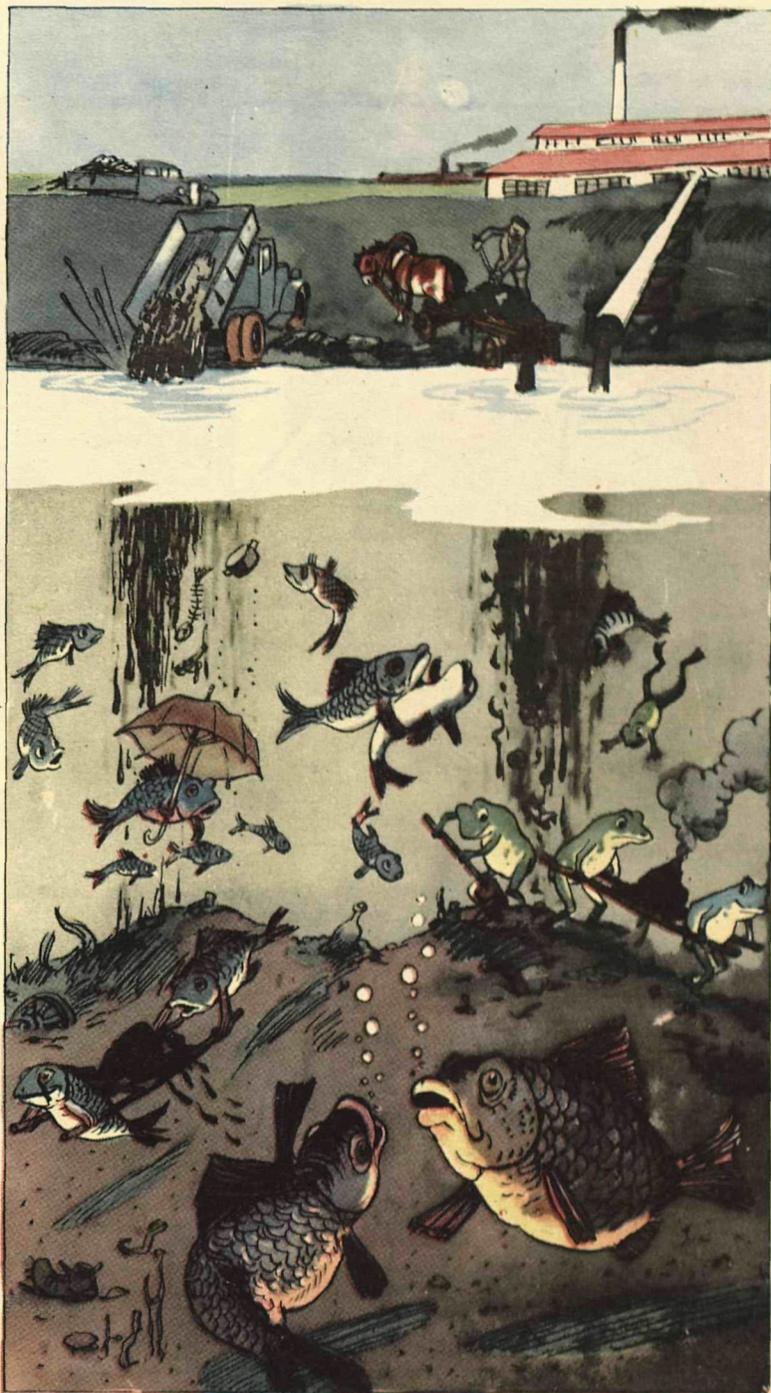
— Да, — невесело проговорил посетитель, — о решении ничего не скажешь. Очень хорошее решение...

Выпроводив литературоведа, тов. Панов всё же задумался: «Придётся заняться. Этот въедливый приезжий, чего доброго, расскажет в Москве о наших беспорядках... Завтра же самолёчно туда отправлюсь, сам посмотрю. Тем более, что от горисполкома до музея минут семь ходьбы, не больше. Кстати ознакомлюсь, что это за музей...»

Ю. ХАЗАНОВИЧ

г. Свердловск.

Рис. И. СЕМЕНОВА.

— Безобразия! Когда же, наконец, мы будем чувствовать себя, как рыба в воде!!

ТЯЖЕЛЫЙ СЛУЧАЙ

Резкие контрасты, свет и тени — таковы особенности стиля главного врача Полоцкого облвддиспансера Воробьева. Наиболее ярко они проявились в служебной характеристике, выданной им врачу Князеву.

«В процессе работы врач Князев А. С. проявил себя дисциплинированным и к работе относился добросовестно», — читаем мы.

Далее, буквально в следующей строке, мысль тов. Воробьева делает этаким стремительный скачок, вернее, поворот на 180 градусов, и мы уже читаем следующее:

«Качество работы плохое, не исполнитель. С руководителями и коллективом не уживчив. Над собой не работал по деловой квалификации и повышением своего идейно-политического уровня».

Каким же строкам характеристики верить? И верить ли ей вообще? Поистине тяжёлый случай в медицине.

Рис. Б. РЕЗАНОВА.

— Что! Сколько мы отгружаем ежедневно продукции нашего завода! Пять вагонов! А кто это спрашивает!

Сообщаем АДРЕСА

ПО РЕЦЕПТУ

«Несмотря на то, что конторский клей мы пытались приготовить из порошка строго по заводскому рецепту, — пишет нам читатель И. Овчинников из Горького, — посылаем в Крокодил письмо открытым: полученная нами мутная масса не склеивает конверта».

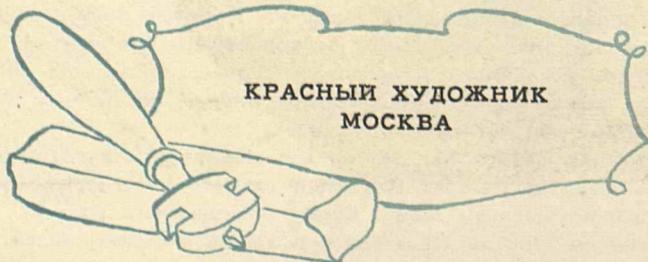
Пытались и мы в редакции воспользоваться этим конторским клеем, но и у нас ничего не клеится.

Зато марка «брак» и без участия клея липнет к лицевой стороне пакета, где значится:

ТУШЬ-СТЕКЛОРЕЗ

Брусочек обычной сухой туши может быть употреблён в качестве твёрдого режущего материала, например, при резке стёкол. Вода и прочие растворители даже при длительном воздействии на кусок этого материала не уменьшают его прочности. Следует только не ошибиться маркой и приобрести тушь фабрики

Василий СМИРНОВ

СУДЬБА одной ПЕСНИ

Написал поэт небыизвестный Песню «Шелковистая трава», Понимая, что для этой песни Не нашёл он нужные слова.

Но мелькнула мысль в мозгу поэта: «Оснований волноваться нет, Я уверен твёрдо: песне этой Музыка создаст авторитет!»

Вскоре композитор всем известный Музыку охотно написал, И тогда Музгиз

немедля песню Тиражом стотысячным издал.

А потом, чтоб песня зазвучала И была подхвачена везде, Радио её передавало В Гомеле, в Москве, в Улан-Удэ.

Но признали все её плохую: Никаких в ней чувств и мыслей нет. И теперь поют ту песню двое: Только композитор и поэт.

В Курском областном совете спортивного общества «Пищевик» фальсифицируют документы о сдаче норм на значок «ГТО». В ведомостях числятся значистами люди, не сдавшие норм «ГТО».

Рис. Е. ГОРОХОВА.

— А почему ваш Пётр Семёнович не приходит получать значок «ГТО»!
— Во-первых, он не Пётр Семёнович, а Петенька, а во-вторых, он ещё ходить не умеет...

ОРАТОРЫ ИЛИ ДЕКЛАМАТОРЫ?

Рис. А. БАЖЕНОВА.

— По календарному плану, через три дня будет важное мероприятие: слёт стахановцев! — оповестил заведующих отделами секретарь Сочинского горкома партии тов. Гладков. — Для моего доклада подготовьте справки по отраслям производства. На тов. Быкова кроме того возлагается вся организационная часть слёта: согласование программы концерта, и прочее, и прочее, и тому подобное... Вопросы есть?

— Какие могут быть вопросы! — отвечали работники горкома. — Не впервой проводим такие мероприятия.

На этом инструктаж закончился. Заведующие пошли в кабинеты, отыскивали в бумагах «Справки по отраслям производства», подготовленные ещё для прошлогоднего доклада на слёте стахановцев, и освежили их последними статистическими данными. А заведующий отделом промышленности и транспорта тов. Быков принялся звонить на предприятия по телефону.

— Автотранспортное управление? Это вы, тов. Ковалёв?.. — спрашивал он. — Здравствуйте! Вот какое дело: завтра состоится слёт стахановцев, и от вас надо бы кому-то выступить. Организация ваша солидная. Пусть какой-нибудь передовик поделится своим опытом. Подберите там покрепче товарища... Что?.. Насчёт критики?.. Разумеется, пусть критикует, если, конечно, есть объекты для критики... В общем, помогите ему подготовиться. Напишите небольшое выступление для товарища. Ну, всего!

Таким же порядком тов. Быков вызвал и других руководителей предприятий и учреждений, всех проинструктировал и наставил: так, мол, и так. Напишите для выступающего от вас товарища небольшую речь.

И вот уже готовятся, подрабатываются, уточняются и согласовываются речи, которые должны будут произнести передовики производства. Перед самым началом им вручили эти аккуратно отпечатанные на машинке листочки и сказали:

— Тут всё точно, не сомневайтесь!

На слёт стахановцев в городской театр собралось более полутысячи человек. Под звуки духового оркестра многолюдный президиум занял свои места, председательствующий предоставил слово докладчику. Тов. Гладков вышел на трибуну и с большим подъёмом начал читать справки по отраслям производства.

Затем развернулись прения. Первый из записавшихся, шофёр автотранспортного управления тов. В. Ситник, прочитал вручённый ему готовый отчёт о работе предприятия в прошлом году, сказал об обязательствах на этот год. Когда разговор дошёл до критики, то критическое слово, согласно шпаргалке, обрушилось на уборщиц и кондукторов. А что касается недостатков в работе руководящих товарищей, об этом в заготовке своей речи тов. Ситник ничего не обнаружил.

На смену тов. Ситнику вышел другой оратор, тов. С. Якимцев, и тоже начал читать заранее написанную для него в общих, довольно приятных словах речь о строящемся санатории металлургов. И он также не мог разыскать на бумажке, написанной для его выступления, ни единого замечания в адрес начальника. Речь Якимцеву по распоряжению начальника стройки тов. Усенко писали председатель постройкома тов. Запужалов в соавторстве с начальником планового отдела тов. Гуревичем.

А был ведь объект для критики.

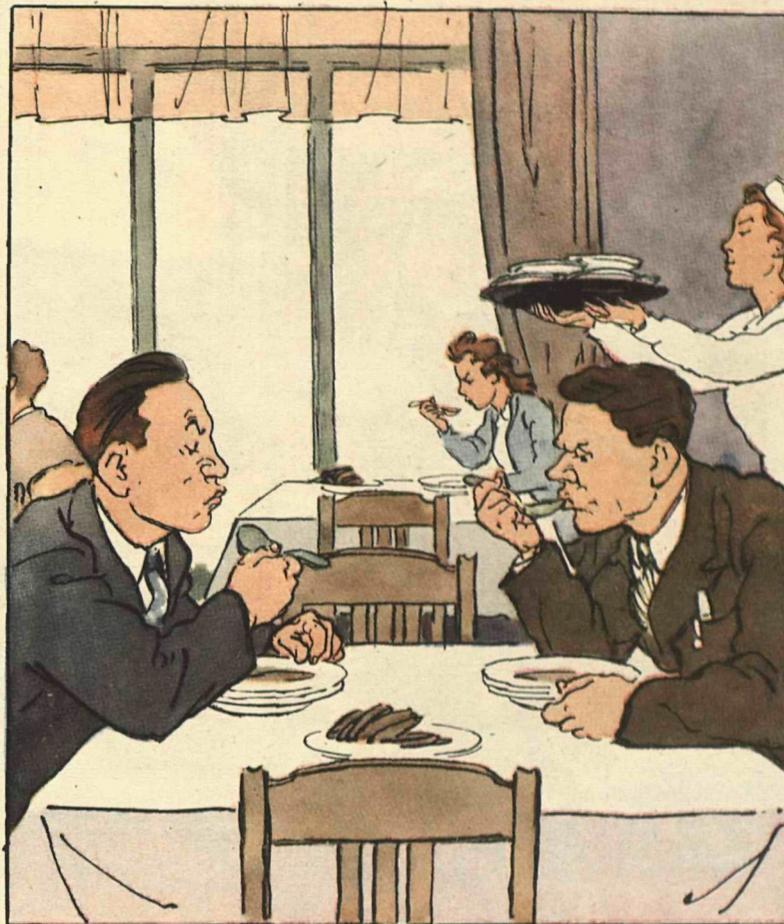
К примеру, начальник строительства санатория тов. Усенко уже перерасходовал более миллиона рублей только потому, что кладёт стены из дорогих бетонных мелких блоков, а не из дешёвого крупнопористого беспесчаного бетона... Да и мало ли о чём было поговорить!

Но вернёмся в театр, на слёт. Почти все остальные выступавшие в прениях столь же добросовестно прочитали заранее написанные для них речи. Потом была принята резолюция относительно досрочного выполнения годового плана.

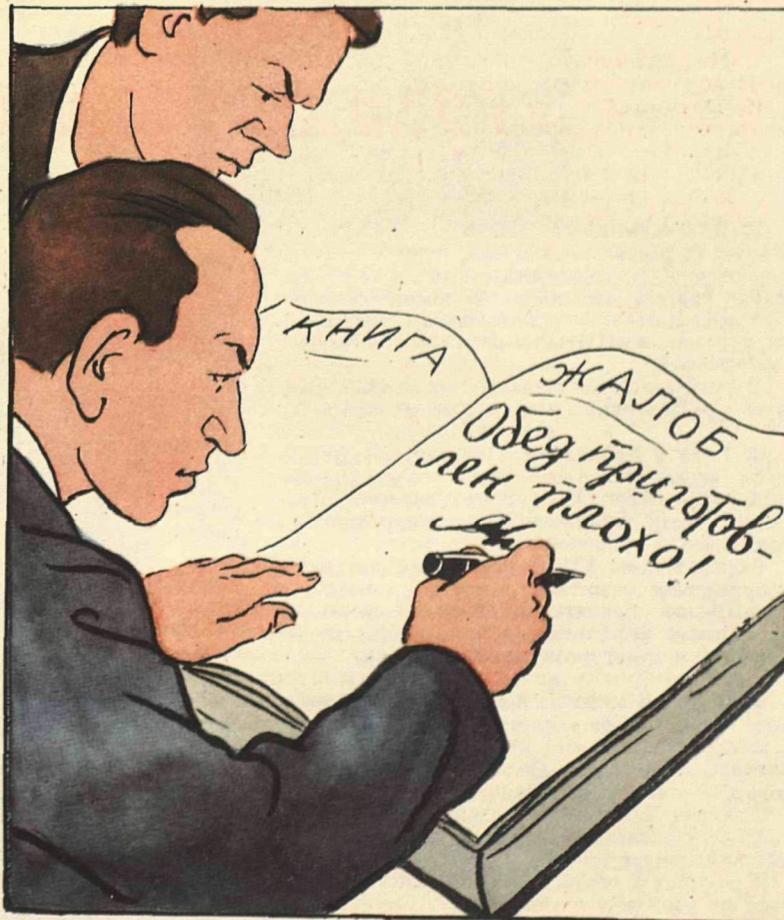
Трудно сказать, удовлетворил ли этот слёт собравшихся. Во всяком случае, авторы, написавшие речи для ораторов, были вполне довольны выступлениями.

И. ЕСИКОВ

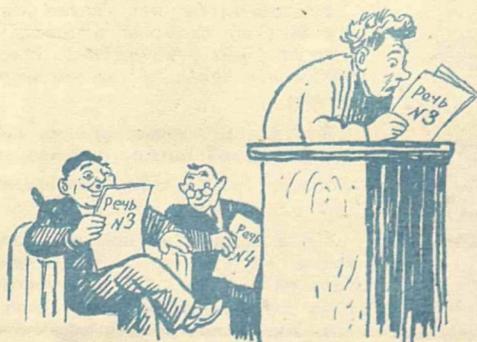
г. Сочи.

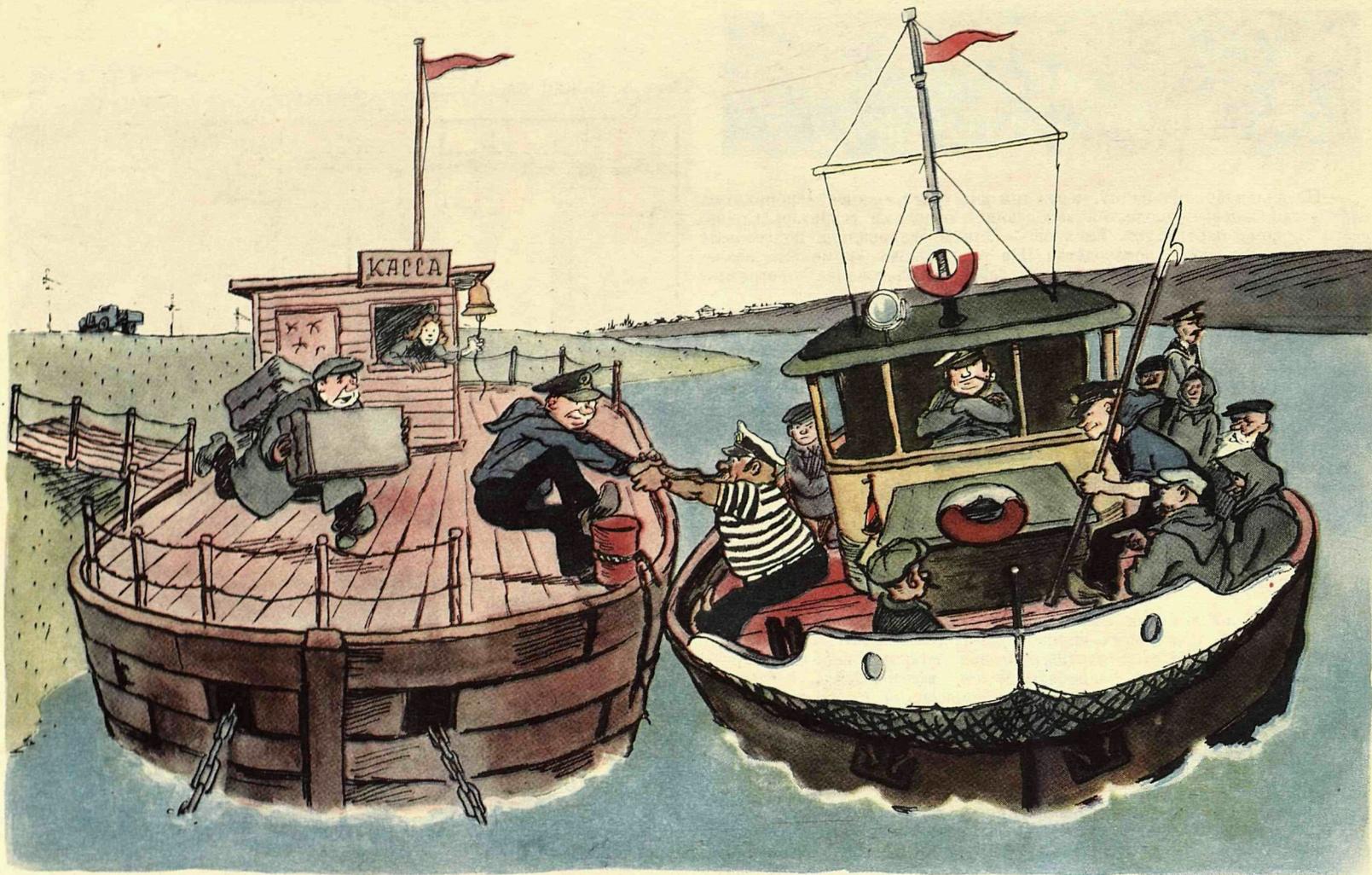

Попробовали.

Оценили.

— Смотри, как долго капитан здоровается!
— Он не здоровается: просто у нас нет концов и нечем пришвартоваться...

КРОКОДИЛ ПОМОГ

№ В № 5, в заметке «Невесёлая присказка», Крокодил рассказывал о том, как в станции Славянской, Краснодарского края, некий гражданин Букреев, давший о себе ложные сведения при покровительстве руководящих организаций, за короткий срок сменил девять ответственных должностей.

В результате выступления Крокодила Букреев с работы снят и исключён из членов КПСС.

№ В № 6 Крокодила, в заметке «Недосягаемая инстанция», говорилось о председателе исполкома Старо-Оскольского райсовета Курской области Афанасове, не реагирующем на выступления районной газеты.

Бюро райкома КПСС указало Афанасову на неправильное отношение к сигналам печати и предложило принять необходимые меры по устранению недостатков в руководстве хозяйственной и культурной жизнью района.

№ В № 8 Крокодила был опубликован фельетон И. Костюкова «По стародавним обычаям», в котором говорилось о низком уровне культурной работы в городе Тихвине (Ленинградская область) и о царящих среди людей суевериях. Фельетон обсуждался исполкомом Ленинградского областного совета и Тихвинским городским комитетом КПСС.

В результате обсуждения намечены мероприятия по усилению научно-атеистической пропаганды и работы культурных учреждений города.

В город Тихвин направлена из Ленинграда специальная бригада из областного отдела культпросветработы.

№ Жители села Солдатского, Ташкентской области, написали в Крокодил письмо о плохой постановке культурно-массовой работы в районе и о том, что помещение районного Дома культуры занято общественными организациями.

Редакция направила жалобу в Ташкентский обком КП Узбекистана. В настоящее время помещение Дома культуры освобождено. Организован лекторий, библиотеке предоставлено лучшее помещение. Намечены дальнейшие мероприятия по усилению культурно-массовой работы.

№ Колхозница колхоза «Просвещение», Айртоуского района, Казахской ССР, тов. Клименко сообщила Крокодилу о злоупотреблениях, допускаемых счетоводом колхоза Шилиным, присвоившим корову и колхозные деньги.

Областной комитет Коммунистической партии Казахстана сообщил, что факты, указанные тов. Клименко, действительно имели место.

Убыток, нанесённый колхозу, Шилиным возмещён. За допущенные злоупотребления Шилин от работы отстранён.

№ Граждане города Сальска сообщили Крокодилу о злоупотреблениях директора железнодорожного буфета на станции Сальск Трусовой.

Дело о злоупотреблениях Трусовой разбиралось на бюро Сальского РК КПСС. Бюро объявило ей строгий выговор с занесением в учётную карточку. Трусова с работы снята.

С подлинными СКВЕРНО!

«СО СТОРОНЫ РУКОВОДСТВА...»

Прежде чем опубликовать письмо рабочих «Нелидовшахтостроя», редакция нелидовской городской газеты «Ленинский путь» (Великолукская область) сделала запрос. И вот из недр «Нелидовшахтостроя» хлынул такой словесный поток:

«...Жилищно-коммунальная контора треста «Нелидовшахтострой» сообщает, что в заметке рабочих общежития констатирующие недостатки не имеют полной действительности, как беспечного отношения к ним со стороны руководства. Наоборот со стороны руководства... приняты меры по ремонту течи... а так же отдельных лежаков...»

Других временных причин мешающим для нормальной жизни рабочим не было.

Зам. начальника конторы ИЛЬИН».

Ну, а грязь в общежитии, холод, отсутствие кухни, на что также жаловались рабочие в том же письме?.. Об этих неприятных вещах, хотя они имеют «полную действительность», тов. Ильин постарался умолчать.

Не является ли бездушие тов. Ильина главной из причин, «мешающим для нормальной жизни рабочим»?

Хорошо, если бы бездушие было временным!

Дорогой КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Не оценила молодёжь нашего села те исключительные возможности, которые ей предоставляет вот этот районный Дом культуры. Все жалуются на то, что крыша дома протнила, а стены готовы рухнуть от ветхости, и потому избегают бывать в нём.

А при желании в нашем Доме культуры можно было бы неплохо заниматься самодеятельностью. Если крыша насквозь худая, можно организовать кружок любителей астрономии и, сидя в зрительном зале, изучать движе-

ние светил. Прогнившие полы как нельзя лучше способствуют осуществлению постановки оперы «Фауст»: Мефистофель мог бы проваливаться в подполье без всяких затрат на оформление.

Как ты думаешь, дорогой Крокодил, пришло бы на такой спектакль наше районное начальство? Пока-то оно избегает посетить Дом культуры: входить в него небезопасно.

А. ПОНОМАРЕНКО

Неклиновский район,
Ростовской области.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Председатель колхоза «Большевик» тов. Сорокобатькин — страстный радиолобитель. Посмотри, как он «радиофицировал» свой кабинет.

Здесь и пять радиоприёмников, и питание к ним, и репродуктор. Всё это неисправно и к приёму радиопередач пока имеет не большее отношение, чем лежащие тут же тулуп, подушка и веник. Но тов. Сорокобатькин так полюбил эти радиоприёмники, что не может расстаться с ними и сдать их в ремонт.

А страдают от его «платонической» любви колхозники: на полях станах давно уже не слышно радио.

Н. СКОРОДИНСКИЙ

Цимлянский район,
Ростовской области.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

По всей Москве расклеены афиши, извещающие о том, что на Кузнецком мосту, в доме № 11, открыта

ВЫСТАВКА ЖЕНЩИН ХУДОЖНИКОВ МОСКВЫ

ЖИВОПИСЬ
СКУЛЬПТУРА
ГРДФИИД
ТЕАТРАЛЬНЫЕ ЭСКИЗЫ

Конечно, дорогой Крокодил, не без труда, но можно догадаться, что на этой выставке экспонированы не сами женщины — художницы Москвы, — а только их произведения.

Но зачем же товарищам из «Московского товарищества художников» выставлять напоказ свою собственную неграмотность?

Ю. ПРОЗОРОВСКИЙ

г. Москва.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Согласись, что такой «уютный» уголок можно увидеть далеко не везде.

Не всякий книжный магазин, подобно нашему (№ 1), помещается в здании, для которого давно уже миновали лучшие времена: стены его осыпаются, потолки рушатся. Ветхий дом вышел из доверия у пожарников, они обрезали всю электропроводку и опечатали кирпичные печи.

Одно время у нас было зародилось неблагоприятное намерение расстаться с домом-ветераном. Городской совет решением от 13 декабря 1950 года закреплял за нашим магазином помещение во вновь строящемся здании. Но пришёл новый председатель горисполкома, тов. Шунько, и сразу поставил нас на место. Ему так понравился наш «уют», что он не захотел нарушать его. Новое помещение он передал под магазин прохладительных напитков.

Теперь, дорогой Крокодил, никто не заподозрит тов. Шунько в тёплом отношении к книге...

Т. СУЕТИН,

Ф. ИВАНОВ и др.

г. Кемерово.

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КИОНАЛОВ, И. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКОВ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, И. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, И. РЯБОВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-33-47, Д 3-32-50. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

Москва. Изд. № 398. Подписано к печати 13/IV 1953 г.

Формат бум. 70 × 108¹/₂.

1 бум. л.—2,74 печ. л.

А 02802.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 1285.

Тираж 350 000 экз.

93 МАЯ 1953

8214

Восхищен
Книжная Палата
Обязат. экземпль
В МАСТЕРСКОЙ АДЕНАУЭРА
1953 г.

Рис. Ю. ГАНФА.

Макклой назвал Боннского «канцлера» Аденауэра «архитектором новой Европы».

Проектирование «колонн» для здания «новой Европы».